

Т. Г. Кучина, Н. В. Веселова

**Дефразеологизация и реализация метафоры как сюжетобразующие приемы
в пьесе С. Д. Кржижановского «Писаная торба»**

Статья обращена к исследованию сюжетобразующих функций языковых элементов (прежде всего дефразеологизации и реализации метафоры) в пьесе С. Кржижановского «Писаная торба» (1929–1930). Фразеологический оборот, в состав которого входит заглавное словосочетание («носится, как дурак с писаной торбой»), обыгрывается через введение в языковую ткань комедии каламбуров, паронимической аттракции, овеществления компонентов метафоры. Буквально понятый фразеологизм и реализация метафоры – основные источники сценического действия. Все ключевые его элементы связаны понятием-лейтмотивом «дурак», и используется оно как в прямом, буквальном значении, так и в тех значениях, которые придаются ему во фразеологизмах («говорить без дураков», «валить дурака» и др.). Событийный ряд во множестве эпизодов вырастает из игры слов: например, фонетическое сходство глаголов «валить» (дурака) и «валить» (дурака в торбу) сюжетно связано с созданием «партии дураков» для экспорта из СССР в Западную Европу. Семантические границы понятия «дурак» по ходу пьесы постоянно расширяются; финал «Писаной торбы» демонстративно обнажает условия игры персонажей и зрителей – «умных с умными в дурачки».

Ключевые слова: Кржижановский, Писаная торба, сюжет, дефразеологизация, реализация метафоры, языковая игра.

T. G. Kuchina, N. V. Veselova

**Verbal Interpretation of Metaphor as a Means of Plot Formation
in S. Krzhizhanovsky's Play "Colourfast Sack"**

The paper analyzes the verbal interpretation of metaphor in S. Krzhizhanovsky's comedy "Pisanaya Torba" ("The Colourfast Sack" or "The Embroidered Feedbag", 1929–1930). The phraseological unit 'durak s pisanoi torboi' (fool with a colourfast sack) gives rise to the main events and situations of the play. The plot of the comedy centers around the idea of gathering Russian fools and evicting them from the USSR to Western Europe. The authors analyze the interaction between word and plot as performed in the comedy. One of the distinctive features of S. Krzhizhanovsky's poetics is a transformation of an abstract concept into a material object. Thus the comical events appear to proceed from the art of word play, paronymy and literal interpretation as the principal tools of the playwright and the main sources of comic situations. It may well be assumed that Krzhizhanovsky's dramatic art provokes thought and his characters are, in fact, materialized ideas.

Keywords: Krzhizhanovsky, Pisanaya torba, plot, interpretation of a phraseological unit, metaphor, play on words.

В Союз писателей в 1939 г. Сигизмунд Кржижановский был принят как драматург – хотя список его драматических произведений совсем невелик; писатель, «известный своей неизвестностью» (по его собственному выражению), для современников был прежде всего театроведом, а потом уже создателем художественных текстов. Комедия «Писаная торба» (датируется 1929–30 гг.) относилась к числу произведений, упрочивших «неизвестность» Кржижановского: единственным ее читателем был А. Таиров – и именно он настоятельно рекомендовал автору никому ее больше не показывать и не предпринимать заведомо бесплодных и опасных для жизни попыток публикации. «Писаная торба» увидела свет в 1992 г. (пьеса была напечатана в журнале «Современная драматургия», № 2), а позже – в 2010 г. – вошла в пятый том собрания сочинений С. Кржижановского, в раздел «Театр».

Драматургическое действие основывается на дефразеологизации¹ известной поговорки «носится, как дурак с писаной торбой». Семантическая нераздельность в идиоматической конструкции субъекта («дурака») и объекта действия («писаной торбы») демонстративно разрушается и становится предметом сценического изображения. Вынося «писаную торбу» в

заглавие, С. Кржижановский провоцирует читателя на подстановку имплицитных вопросов в нечлененое словосочетание (а где дурак? какой дурак? почему с торбой? с какой целью использующейся?), вводя его тем самым в систему новых, потенциальных предикативных отношений. «Дурак» и «писаная торба» не только становятся знаками неадекватной сосредоточенности на чем-то незначительном², но и получают статус действующих лиц («дурак» как особый человеческий вид представлен на сцене целой группой лиц) и их атрибутов («торба» как принадлежность дурака и как место для «сбора» и «хранения» дураков: «тяп за голову – и в мешок» [3, т. 5, с. 31]). По сути, сюжет пьесы – это попытка креативных бюрократов реализовать проект экспорта «советских дураков» за границу с целью получения экономической прибыли: «Нищ. Культура... – это постепенное изнашивание и исчерпывание запасов глупости. И действительно, всеобщая грамотность, высокий уровень европейской школы, гигантские книжные рынки, дешёвизна философских и научных знаний <...> – все это постепенно приводит к вымиранию и вырождению дурака. <...> И меня удивляет, как вы, деловые люди, можете говорить о какой-то там пшенице, когда запас ваших дура-

ков на исходе. Если недра отказываются давать железо и уголь, если нефтяные скважины сухи, вы ищете угля и нефти в Персии, Турции, Сирии – везде. Но сделали ли вы хоть что-нибудь, чтобы предотвратить надвигающийся кризис бездурачья?» [3, т. 5, с. 12–13]. Сюжет «Писаной торбы» вырастает из цепочки переосмысленных идиом и реализованных метафор. Установление принципов взаимодействия и взаимообусловленности сюжета и слова в комедии С. Кржижановского – основная задача данного исследования.

Заглавное словосочетание – «писаная торба» – уникальный идиоматический комплекс: ни в каких иных выражениях, кроме поговорки про дурака/дурня, он не используется³. Тем самым финальная часть поговорки ассоциативно вводит в читательское восприятие и начальную – с субъектом-«дураком» в качестве главного действующего лица. Писаная торба, таким образом, метонимически представляет дурака – и вскоре «круглые дураки» и дураки-полуфабрикаты (те представители интеллигенции, которые специально прикидываются дураками, чтобы покинуть Советскую Россию) материализуются на сцене.

К поэтике С. Кржижановского в полной мере применимо суждение В. Набокова о специфике повествования в прозе Н. В. Гоголя: в ней «словесные обороты создают живых людей». Из комбинации словесных оборотов у С. Кржижановского рождаются сюжетные коллизии и перипетии. Развертыванием метафоры в сюжет характеризуется немиметическая, неклассическая поэтика – именно такой тип сюжетности свойствен прозе Бабеля, Олеси, Пильняка, Набокова, Лунца и других авторов 1920–1930-х гг.⁴ В одной из первых исследовательских работ о творчестве Кржижановского – диссертации Н. Ю. Буровцевой – его проза определена как «театр мысли», в котором «авторское сознание как бы объективирует вовне свои мысли, «материализуя» при этом сами мыслительные (математические, лингвистические, логические) категории, идеи, концепции, превращая их в самостоятельно действующие персонажи-идеи» [2, с. 33]. Пьеса «Писаная торба» является ярким примером театра мысли, когда отправной точкой служит выражение «писаная торба», а с него, «как с крюка шуба», потом снимается весь текст – причем оно проходит через все произведение и придает ему единство, цельность.

Сам Кржижановский сравнивал заглавие пьесы с «иглой, ведущей за собой нить», то есть весь последующий текст [3, т. 4, с. 626], а исследователь его творчества В. Перельмутер отмечал, что идиоматическое заглавие «писаная торба по ходу действия то и дело оказывается реализацией идиом-метафор» [3, т. 5, с. 526]. Подзаголовок комедии – «Условность в четырех актах, семи ситуациях» – прямое авторское указание на то, что перед читателем не столько «драма с логической последовательностью сцен, сколько не-

что вроде того, что Кант называл “условиями возможности”, разыгранными в разных ситуациях» [6, с. 135].

Рассмотрим несколько примеров развертывания идиом в те или иные сюжетные ситуации.

В дискуссии об экономической целесообразности экспорта дураков из СССР – она разворачивается на первых страницах пьесы – звучит следующее высказывание: «Каких-нибудь десять процентов задатка – и советские дураки переходят границы и поступают в вашу собственность и подданство» [3, т. 5, с. 11]. Формула «переходить границы» может рассматриваться и как идиоматическое (в значении нарушать установленные правила), и как свободное словосочетание (например, пересекать государственную границу; в этом своем значении она озвучена Цитурчуком: «...деньги взять – дурака коленом под зад, катись, дурье, через границу» [3, т. 5, с. 19]). Кржижановский создает для словосочетания такой контекст, который в равной мере позволяет реализоваться и тому и другому значениям: экспорт дураков (переход их через границу) означает и нарушение цивилизационных устоев (дуракам закон не писан).

Сюжетная линия, связанная с поиском дураков на экспорт, берет начало в словосочетании «нашли дурака» – и открыто обыгрывается в монологе профессора Наслышки: «Самому же под штемпель: «сим удостоверяется, что профессор Наслышка – ду... Неслыханно. Нет, я ни шагу. Нашли дурака. (Будто наткнувшись на слово.) Ну, если нашли ... дурака? Что тогда? ... Товарищи, ну нельзя же так, товарищи. Я не позволю обыскивать у себя в голове» [3, т. 5, с. 30]. Если первый раз «нашли дурака» произносится с характерным для разговорной речи интонационным движением, то реализация идиоматического выражения сопровождается трагическими обертонами в речи профессора: «Русь чтит “прискорбных умом”, маломыслецев и юродивых, кликушествуя, дуростью осиянная, простецкая Русь берегла как зеницу ока своих недоумков, Иванушек-дурачков и блаженненьких, она слушала их, как пророков, и хоронила, как царей. А тут вдруг, тяп за голову – и в мешок» [3, т. 5, с. 30]. Упоминание о мешке в данном случае напрямую соотносено с той самой торбой, что является неотъемлемым атрибутом дурака; иносказательный смысл вновь получает вещные коннотации, выражается на языке предметной детализации. (Отметим, что в предыдущей сцене – в реплике персонажа по имени Все – попадание дурака в торбу мыслилось все-таки иносказательно, и подтверждением тому является контекст, сотканный из сугубо риторических формул:

- *Все*: Носился дурак с писаной торбой, да и сам к себе в торбу попал.
- *Рассольник*: Дурак умер.
- *Цифранович*: Да здравствует ду... [3, т. 5, с. 20]).

«Писаная торба» в диалогах персонажей постепенно превращается из дополнения в обстоятельство места: если в начале был «дурак с торбой», то к середине пьесы появляется «дурак в торбе» и через паронимическую аттракцию вводится само физическое действие – собирание дураков в торбу:

– *Ниц*: ...мой первый тезис: о дураках без дураков. ... Где бы я ни увидел дурака...

– *Цифранович*: Даже в зеркале.

– *Ниц*: Да, и в зеркале, в торбу и – фьюить, как сказал наш председатель. ... Довольно валить дурака, давайте валить дурака [3, т. 5, с. 20].

(Торба как наиболее подходящее место для дурака появится и в реплике Чучундрина: «Мне либо в омут, либо в торбу» [3, т. 5, с. 57]. С. Кржижановский последовательно, на протяжении всей комедии наращивает коннотации, расширяя семантику заглавного образа.)

Попутно укажем и на каламбур «о дураках без дураков»: очевидно, что «без дураков» мыслится и как идиоматическая формула (говорить без дураков – говорить серьезно, ответственно, компетентно), и как свободное сочетание (по сюжету пьесы дураков еще не начали искать – и на сцене их пока нет).

Примечательно, что паронимически обыгранное выражение «валить дурака» (в торбу) вновь будет подсвечено в комедии «вещественными» семантическими оттенками: главный идеолог проекта – Ниц – умозрительную коллекцию дураков трансформирует во вполне наглядную картину – реализуя метафору письма: «*Ниц*: Вчера я узнал, что некий Пьесатель, черт бы его взял, уже строчит на нас изобличенье. Подальше от перьев: они могут прорвать писаную торбу, и дурак просыпется, как просо из ...» [3, т. 5, с. 39]. Перо из метонимического образа письма/творчества превращается в заостренный инструмент – в равной степени опасный как в руках писателя, так и в руках дурака.

С каламбура берет начало и «экономическая» линия сюжета (сцена торга с западными бизнесменами) – но на этот раз это каламбур приходит из карточной терминологии:

Зоундзо: ... какого дьявола мы будем делать с вашими хваленными дураками?

Ниц: игроку с неважными картами на руках только и остается рассчитывать на прикуп: прикупите дураков. Не то вы останетесь на бездурачье, и тогда... [3, т. 5, с. 13].

Но главный парадокс комедии ожидает читателя в финале: Кржижановский обыгрывает буквальное и метафорическое значение выражения «распахнуть двери», отождествляя в перформативном акте дураков на сцене и зрителей в зале:

Рассольник: ... настанет день, когда мы всем ослам, грузенным философией, всем социализма ради юридическим, придурачивающимся к нашему делу, всем

недоумкам, присватавшимся к революции, мы скажем, широко распахивая двери: «Вон, пошли вон, дураки».

Все двери зрительного зала настезь. Свет.

Занавес [3, т. 5, с. 63].

По сути, распахивание дверей зрительного зала настезь означает, что фраза «Вон, пошли вон, дураки» нашла своего адресата. В зрительном зале оказываются те самые «придурачивающиеся», которые не смогли с ходу сдать экзамен на дурака, чтобы покинуть СССР, и теперь вынуждены искать обходные пути, те самые «дураки с приумью», которые старательно пытаются играть дурака (или, как сформулировано в пьесе, ведут «игру умных с умными – в дурачки»). Финальная ремарка, таким образом, возвращает слову «дурак» весь спектр его значений в русской культуре – от «прискорбного умом» до бескорыстного хитреца и пророка. Сама пьеса Кржижановского оказывается той метафорической «писаной торбой», в которой поместились все – и персонажи (как мы помним, их «за голову тят – и в мешок»), и читатели/зрители, которые, приняв по эстафете торбу, обрели статус «дураков».

Библиографический список

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / авторы-сост. И. С. Брилева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, И. В. Зыкова, С. В. Кабакова, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, В. Н. Телия ; отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
2. Буровцева, Н. Ю. Проза С. Д. Кржижановского: Проблемы поэтики [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 1998. – 178 с.
3. Кржижановский, С. Д. Собрание сочинений [Текст] : в 6 томах. – СПб., 2013.
4. Кузьмина, Е. О. Дефразеологизация как прием языковой игры в творчестве С. Д. Кржижановского [Текст] // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : материалы Международного научного симпозиума. 4–6 мая 2009 г. – Великий Новгород, 2009. – С. 130–132.
5. Синицкая, А. В. Пространственность и метафорический сюжет (На материале произведений С. Кржижановского и К. Вагинова) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. – Самара, 2004. – 202 с.
6. Эмерсон, К. Сигизмунд Кржижановский как драматург и мировая история как фарс [Текст] // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2011. – Вып. 7(109). – С. 134–144.

Bibliografischeski spisok

1. Bol'shoj frazeologicheski slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheski kommentarij [Tekst] / avtory-sost. I. S. Brileva, D. B. Gudkov, I. V. Zaharenko, I. V. Zyкова, S. V. Kabakova, M. L. Kovshova, V. V. Krasnyh, V. N. Telija ; отв. red. V. N. Telija. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
2. Burovceva, N. Ju. Proza S. D. Krzhizhanovskogo: Problemy poetiki [Tekst] : dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. – М., 1998. – 178 с.

3. Krzhizhanovskij, S. D. *Sobranie sochinenij [Tekst] : v 6 tomah.* – Spb., 2013.

4. Kuz'mina, E. O. Defrazeologizacija kak priem jazykovoj igry v tvorchestve S. D. Krzhizhanovskogo [Tekst] // *Frazeologizm v tekste i tekst vo frazeologizme (Chetvertye Zhukovskie chtenija) : materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma. 4–6 maja 2009 g.* – Velikij Novgorod, 2009. – S. 130–132.

5. Sinickaja, A. V. *Prostranstvennost' i metaforicheskiy sjuzhet (Na materiale proizvedenij S. Krzhizhanovskogo i K. Vaginova) [Tekst] : dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.08.* – Samara, 2004. – 202 c.

6. Jemerson, K. Sigizmund Krzhizhanovskij kak dramaturg i mirovaja istorija kak fars [Tekst] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2011.* – Вып. 7(109). – S. 134–144.

¹ Более подробно о дефразеологизации в повествовательной структуре новелл Кржижановского см. работу Е. О. Кузьминой [4].

² «В основе образа фразеол. лежит противопоставление внешней яркости и внутренней пустоты, переосмысленное как противопоставление ценного, редкого, значительного и обычного, усредненного по значимости, не представляющего ничего особенного. Образ фразеол. в целом выполняет роль эталона неверной оценки значимости, ценности людей, вещей и событий» [1, с. 304].

³ «Писаная торба – «пестрая, цветисто расписанная сумка, холщовый мешок». Образ фразеол. восходит к фольклорному выражению *Носится, как дурень с писаной торбой*. В образе фразеол. отражены стереотипные, свойственные прежде всего простонародной культуре представления о дурне, или дураке, нашедшие воплощение в пословично-поговорочных текстах. Дурак носится, потому что любит шум, суету, столпотворение, базар, праздник. ср. *Носится, как дурак; Дурак давку любит; Рад дурак празднику; Дураку каждый день праздник; Умный плачет, а дурак скачет; Дураку только пальчик покажи – засмеется. Дурак глупо радуется всему без разбора, всякой бессмыслице, чепухе, ерунде, особенно если это имеет яркий внешний вид, выделяется из общего ряда вещей. см. в фольклоре: Дураку хоть торба с пирогами, хоть черт с рогами – все одно; <...> Что пестро/, то дураку и красно/. Совокупность компонентов фразеол. как с писаной торбой соотносится с вещным кодом культуры, при этом писаная торба, как товар на базаре, символизирует что-л. яркое, броское и в то же время самое обычное и дешевое» [1, с. 304].*

⁴ Более подробно об этом пишет в своей диссертации А. В. Синицкая, указывая на следующую отличительную черту неклассической прозы: «Событийность сюжета перемещается в сферу интеллектуально-словесного приключения» [5, с. 14].